

Аутентичный театр Николая Коляды

«Солнце русской драматургии» приехал в Москву на гастроли
с театром своего собственного имени

Независимая газ. - 2006 - 2
июня - с. 12.

Григорий Заславский

Модное ныне в музыке направление аутентичного исполнения приходит с некоторым опозданием и в театр. Драматург Михаил Угаров самостоятельно ставит свои пьесы в Москве, а драматург Николай Коляда приехал в Москву со своим екатеринбургским «Коляда-театром».

В афише – 6 названий, из них 4 – пьесы самого Коляды. Еще две – «Клаустрофобия» хабаровчанина Константина Костенко, отмеченная два года назад первой премией драматургического конкурса «Евразия», и «Ревизор» Гоголя.

С «Ревизором» вышла странная история, поскольку год назад эту «народную комедию» (так обозначено на афише и в программке) в постановке Коляды хором назвали одним из лучших спектаклей России, эксперты «Золотой маски» приехали из Екатеринбурга в восторге. Тем не менее в афишу «Маски» спектакль не попал. Николай Коляда говорит: «Мы приехали сюда от злости, потому что в прошлом году на фестивале «Реальный театр» нас посмотрели четыре эксперта «Золотой маски». Все эксперты сказали, что мы 100-процентно следующей весной поедим на фестиваль «Золотая маска». Появилась куча рецензий. Мы были уверены. И вдруг в декабре прошлого года на заседании экспертного жюри «Золотой маски» прозвучала такая фраза, что «в Москве это не покатит». Меня это разозлило до безумия. Мол, в Екатеринбурге это катит, играется с огромным успехом, а в Москве нет. Я собрал артистов и сказал: давайте повезем на гастроли в Москву сразу 6 спектаклей».

Вот и приехали. Играют сразу на двух площадках. Другая сцена «Современника» усилиями Коляды и его актеров тут же была переустроена и приспособлена «под себя»: модные ржавые колонны Александра Боровского и Евгения Асса одели в вязаные кружевные салфеточки, на пол постелили такие же вязаные разноцветные половички, создав таким образом близкий по духу пьесам Коляды провинциальный уют.

У Коляды, впрочем, уют этот – иллюзорный, усилий персонажей хватает на минуту-другую, затем начинается крик, мат-перемат, самообнажения истерзанных душ... Покой, как сказал поэт, им только снится.

«Коляда-театр» – явление уникальное. Никакими инстанциями не поддерживаемый настоящий – живой – репертуарный театр. На Второй сцене «Современника» играют комедию Николая Коляды «Тутанхамон» (режиссер и сценограф – тоже Коляда), на основной – его же пьесу «Мурлин-мурло». Этот спектакль Галина Волчек поставила 16 лет назад, и с тех пор он идет при неизменных аншлагах. Такова судьба и большинства других пьес Коляды, идущих сегодня по всей России и за рубежом, что позволяет драматургу в шутку называть себя «солнцем русской драматургии». Несколько лет назад весь нажитый капитал он решил вложить в «идеальный театр», названный им «Коляда-театр». И не устает теперь повторять: «Как сказал Жан Вилар, коллектив единомышленников в театре может заменить гениальность. Вот у меня такой гениальный коллектив. 20 актеров, где один за всех и все за одного. Если у нас идет спектакль «Ревизор», где настоящая грязь летит на сцене, то после спектакля все актеры, независимо от того, кого ты играл – Хлестакова или Городничего, – моют пол, все убирают, приводят в порядок сцену. У нас нет разделения на артистов и техников. Если я что-то новое не придумаю, ко мне не придет зритель. Если у меня в репертуаре 24 спектакля в месяц, то на самом деле мы играем 50. Если я не буду придумывать «Театр в бойлерной», «Колядаскоп-театр» и т.п., то мне не выжить. Я не хочу ничего плохого сказать про репертуарный театр, но позволять себе жить, как герои «Вишневого сада», по-моему, ужасно».

«Ревизор» в афише «Коляда-театра» вряд ли можно назвать случайным. Герои Гоголя все, как известно, обмануты. И герои Коляды обыкновенно тоже все – из категории «обманутых вкладчиков», обманутых жизнью, обиженных, измученных, мучающих других, всегда – по русской привычке – полагающиеся на чудо. На принца, который придет и вытащит из нищеты и глу-

У Коляды все женщины – трудной судьбы.

Фото Романа Мухаметжанова (НГ-фото)

хомани, на Бога, надеясь на которого они в жизни «плошают» на каждом шагу.

С «кровавыми мозолями на языке» (еще одно определение Коляды) актеры «Коляда-театра» играют комедии Коляды, в которых почти нет смешного. Как смеяться над одинокой Тамарой, дикторшей, обещающей в аэропорту далекие иностранные рейсы? У которой сын умер от передозировки, муж повесился в ванной, ни матери, ни отца и мужика сносного рядом тоже нет? Ее подруга собралась наконец замуж, позвала ее в свидетельницы и просит об одном – не проболтаться, помнить, что ей 34 года, именно 34... День и час свадьбы назначен, а жениха все нет и нет, а когда он является наконец, вместе с ним приходит деморощенная прорицательница мать Феофания. А у нее – свои несчастья, своя тяжелая доля и соответственно свои ви-

ды на одного-единственного в этой пьесе претендента на мужнюю роль.

Пьесы Коляды таковы, что в них, независимо от «драматургической выделки», всегда виден актер и самодельность декорации не мешает увидеть актерские удачи (или – неудачи). К удачам в данном случае следует отнести игру Ирины Ермоловой в роли Тамары. Какая уж тут комедия? Тут – самая что ни на есть трагедия, принижающая до костей. Правда, Коляда умеет выстроить жизнь и быт своих героев так, что даже в самой глубокой заднице и трагедии всегда остается место для юмора, пусть и печального, пусть сквозь слезы.

У Коляды все женщины – трудной судьбы, и все мужчины – тоже. И счастья нет. Есть только мечта о счастье. Но мечта эта всегда есть.